9426
941

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

Ф. И. НОТОВИЧ

РАЗГРОМ

германской армии

в 1918 г.

Ед. хр. 3484

★

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ИСТОРИИ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1941 — ЛЕНИНГРАД

EB_1941_OFO_306

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Ф. И. НОТОВИЧ

РАЗГРОМ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ В 1918 г.

„История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск и, наконец, была разбита англо-французскими войсками. То же самое нужно сказать о нынешней немецко-фашистской армии Гитлера. Эта армия не встречала еще серьезного сопротивления на континенте Европы. Только на нашей территории встретила она серьезное сопротивление. И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что гитлеровская фашистская армия также может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма".

(Из „Выступления по радио Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина" 3 июля 1941 г.).

ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ К НАЧАЛУ 1918 г.

Военное положение в начале 1918 г. казалось очень благоприятным для Германии и ее союзников. Германия захватила Ригу и острова Эзель, Даго, Моон и другие и сделалась почти хозяином на Балтийском море. Австро-Венгрия вернула себе Буковину и всю Галицию. Обе союзницы крепко держали в своих руках обширные земли в России, Румынии и Франции. Они занимали всю Бельгию, Сербию, Черногорию и Албанию. Они беспощадно грабили все, что попадалось в их руки, забирали румынскую нефть и румынский хлеб, лес и все сырье в захваченных землях.

Победа австро-германских армий при Капоретто в октябре 1917 г. сделала итальянскую армию совершенно небоеспособной. Италию как военную силу больше в расчет не принимали. Итальянское поражение ослабило также и англо-французский фронт. Франция и Англия перебросили на итальянский фронт 12 лучших своих дивизий и этим спасли Италию от гибели, но эти дивизии остались на итальянском фронте, так как без их помощи итальянская армия не была в состоянии выдержать новое австро-германское наступление. Это ослабило англо-французские армии на западном фронте.

Соединенные штаты Америки (США) к этому времени перевезли в Европу недостаточное количество — и притом не вполне обученных — войск, заканчивавших во Франции свою боевую подготовку. Германские подводные лодки топили ежемесячно сотни пароходов.

Для Германии создалась после победы Великой Октябрьской социалистической революции исключительно благоприятная военная обстановка. Впервые с августа 1914 г. Германия фактически воевала на одном фронте и лишь ненасытные и разбойничьи аппетиты германских империалистов привели к тому, что и после ликвидации восточного фронта Германия принуждена была оставить на Востоке значительное количество дивизий.

Германские империалисты использовали слабость молодой, еще неокрепшей Советской республики. Они нарушили торжественно данное обещание заключить мир без захватов русских земель и без уплаты контрибуций (военных издержек) и навязали советской стране грабительский Брестский мир, который Ленин назвал „бесконечно унизительным миром". Вместо двух фронтов — против России и против Франции и Англии — Германия имела с весны 1918 г. один фронт и бóльшую армию, чем французская и английская армии вместе взятые. Такого благоприятного военного положения еще не было у Германии и ее союзников (Австро-Венгрия, Болгария и Турция). Правда, были некоторые зловещие признаки, которые могли заставить призадуматься военных и политических руководителей, более проницательных и менее склонных итти на риск, чем главнокомандующий Гинденбург и его помощник Людендорф, фактически державшие в своих руках всю военную и политическую власть в Германии.

Германия и ее союзники голодали и были крайне истощены. Франция и Англия (Антанта) снабжались во время войны недостаточно, но голода там не было. Их силы постоянно пополнялись за счет могущественной союзницы — США. Это вызывало надежду на победу у стран Антанты и предчувствие гибели у германского империализма. Последний мог бы

выйти победителем, если бы ему удалось одержать окончательную победу в течение очень короткого срока — 3 — 4 месяцев. Антанта могла ждать, Германия и ее союзники ждать не могли. Германский империализм поэтому должен был сломя голову спешить навстречу гибели.

Тяжелое хозяйственное и продовольственное положение Германии и ее союзниц (нехватка хлеба и военного сырья) не оказало сдерживающего влияния на германскую политику, в которой, как писал Ленин, взяла верх после Бреста военная партия. Людендорф и Гинденбург, действовавшие в интересах наиболее хищных капиталистов и помещиков, закрывали также глаза и на то, что силы Антанты постоянно увеличивались. „История ВКП(б)" дает такую оценку положения в Германии и Австрии в то время: „Германия и Австрия задыхались в тисках войны и продовольственного кризиса. В то время как Англия, Франция и Северная Америка разворачивали все новые и новые резервы, у Германии и Австрии иссякали последние скудные резервы. Дело шло к тому, что истощенные до последней степени Германия и Австрия должны были в ближайшее время потерпеть поражение" [1].

Гинденбург и Людендорф и их хозяева, германские капиталисты, волю которых они выполняли, были, однако, настолько ослеплены, что не видели всего этого. Они до того зарвались, что считали германскую армию „непобедимой", и всерьез верили, что они легко разобьют французскую и английскую армии и сделаются хозяевами всей Европы, а затем и всего мира. Бредовые мысли о завоевании господства над всем миром не давали покоя германским империалистам уже в 1914 — 1918 гг.

Германские империалисты считали себя, сейчас же после заключения Брестского мира, хозяевами Центральной и Юго-восточной Европы. Они считали, что недостающие им для победы над Антантой сырье, продовольствие, лошади и фураж они легко добудут в захваченной Украине. Но для этого им необходимо было, как они говорили, „уничтожить" Советскую страну. Они считали, что это им под силу. Они и после заключения Брестского мира стояли, как указывал Ленин, „за немедленное и общее наступление на Россию в целях занятия всей ее территории и свержения Советской власти".[2] Их ненасытных хищнических стремлений к захвату чужих земель и чужого добра не останавливали и такие важные соображения, „что такая война отвлекла бы силы от За-

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 220.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. XXX, стр. 384.

пада, увеличила бы и без того чувствительную уже непрочность внутреннего положения в Германии".[1]

Покорить Восток, „уничтожить" Советскую Россию и сокрушить Антанту — одновременно считали невозможным даже Людендорф и Гинденбург. Но они были уверены, что смогут разрешить эти задачи по частям.

Германские империалисты возобновили войну после Брестского мира. Они захватили Финляндию, Прибалтийские области, Украину, Донскую область, Черноморье и потянулись к Кавказу и к бакинской нефти. Для проведения столь громадных завоевательных планов германское командование оставило на Востоке более полумиллиона бойцов. Но и после этого Германия имела численное превосходство бойцов на западном фронте. Ее армия насчитывала больше 2 млн. бойцов, армии же ее противников имели немногим меньше 2 млн. бойцов. В техническом отношении обе армии не уступали друг другу в оснащении. Германская армия была достаточно сильна для нанесения одного или нескольких ударов англичанам и французам, но для их разгрома у нее нехватало сил. Германское командование тем не менее решило использовать численное превосходство бойцов для нанесения „смертельного" удара Антанте до прибытия во Францию подкреплений из Америки.

Крупные германские и иностранные военные специалисты и в то время считали, что Германия не сможет добиться победы военными средствами. Они старались убедить в этом верховное командование и предотвратить неминуемое поражение, но напрасно.

Верховное командование, вдохновляемое прусскими помещиками и крупными капиталистами — Тиссенами, Стиннесами, Круппами и др., занялось организацией сокрушительного удара. Оно знало, что необходимо торопиться. И это было верно: время, отпущенное германскому империализму, было очень ограничено.

Германия не могла выиграть войны. Если бы ей даже удалось разбить англо-французские армии до прибытия американской армии, то война не закончилась бы. Англия оставалась бы и в этом случае неуязвимой для Германии, а Америка фактически лишь вступала в войну. Обе эти державы, господствуя на море, продолжали бы морить Германию голодом и принудили бы ее в конце концов к отказу от всех завоеваний.

Такова была обстановка, когда Людендорф, во второй половине марта 1918 г., начал наиболее кровавые в истории до

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XXX, стр. 384.

того времени битвы, которые, по его мнению, должны были закончиться победой Германии. Они закончились победой, но только не германской армии. Германская армия была разбита наголову и принуждена была сдаться на милость победителя.

ПОСЛЕДНИЕ ГЕРМАНСКИЕ НАСТУПЛЕНИЯ ВЕСНОЙ И ЛЕТОМ 1918 г.

21 марта 1918 г. германская армия начала наступление на западном фронте между Аррасом и Сен-Кантеном с направлением на Амьен: Людендорф задался целью прорвать неприятельский фронт на стыке английской и французской армий, разъединить их и уничтожить по частям. На участке намечавшегося прорыва немцы имели 65 дивизий, французы и англичане — 36. Продолжавшаяся до 4 апреля битва причинила союзникам крупные потери, но не дала германскому командованию стратегического успеха. Потеряв 150 тыс. солдат, немцы значительно продвинулись вперед, но не достигли ни одной из поставленных целей. Амьен остался в руках французов. Был момент, когда Петэн, тогда главнокомандующий французской армией, чуть-чуть не помог немцам, приказав французской армии отступать к югу. Лишь энергичное вмешательство Фоша спасло положение и помешало Петэну выполнить его малодушное, продиктованное паникой решение.

После неудачи первого „сокрушительного" удара Людендорф начал 9 апреля второе наступление (во Фландрии, между Армантьером и побережьем), которое имело целью прорыв английского фронта, уничтожение английской армии, захват побережья и в результате капитуляцию Англии. И в этой битве, длившейся до 30 апреля, превосходство сил было вначале на стороне немцев, которые имели 40 дивизий против 20 английских. Это сражение стоило немцам 140 тыс. солдат, но также не дало ожидаемых результатов. Вторая неудача не отрезвила германское командование и не убедила его в безнадежности попыток „прорыва" фронта.

27 мая немцы начали третье наступление, на сей раз в направлении на Шато-Тьерри и Париж. Сражение носило ожесточенный характер и продолжалось до 15 июня. В этом большом наступлении перевес сил все еще был на стороне Германии. Она имела 204 пехотных дивизии против 181 дивизии у союзников. На участке фронта между Реймсом и Суассоном, где происходило наступление, немцы бросили 45 пехотных дивизий и 4500 орудий против 20 пехотных дивизий и 1500 орудий у французов. Немцы добились крупного тактического успеха, захватили сильные позиции в районе Шмен-де-Дам и продвинулись на 60 км вперед. Они перешли

р. Марну и вновь очутились там, где были разбиты 6—9 сентября 1914 г. Потеряв 130 тыс. человек, немцы, однако, и на этот раз не нанесли союзным армиям решающего удара, и стратегического успеха не достигли.

Верховное командование даже и после этого сражения было уверено в окончательной победе.

Совсем иначе оценивали военную обстановку другие германские военачальники. Баварский кронпринц Рупрехт, командовавший армейской группой на западном фронте, считал, что эта битва была „началом конца". Под непосредственным впечатлением постоянных боев он писал 1 июня 1918 г. германскому имперскому канцлеру Гертлингу, что германская армия может еще нанести некоторые удары врагу, но „решительной победы над ним одержать не сможет".

Он советовал канцлеру начать мирное „наступление", пока германская армия дерется еще на чужой земле. Однако и этот „прозревший" хищник верил, что германский империализм сможет сохранить все захваченные советские земли. Ради их сохранения он собственно и соглашался на „уступки" на Западе: „Я так думаю, — писал он, — что мы должны будем удовлетвориться достигнутым на Востоке". „Восток" постоянно приковывал жадные взоры германских империалистов — даже тогда, когда проваливались все их надежды.

15 июля 1918 г. Гинденбург и Людендорф начали четвертое и последнее наступление по обеим сторонам Реймса, но успеха не имели.

Из леса Виллер-Коттере, на участке между Нуэрон-Венгрэ (4 км севернее р. Эн) и Шато-Тьерри на р. Марне, 18 июля Фош начал контрнаступление. 10-я французская армия ген. Манжена, подкрепленная 250 танками, разбила наголову 7-ю армию германского кронпринца, после чего начали отступать и другие германские армии. Последняя попытка Людендорфа вырвать победу стоила Германии больше 1000 орудий, 6000 пулеметов и 160 тыс. солдат, из них 40 тыс. пленными. Контрнаступление Фоша явилось переломным моментом. Истощив свои силы, германская армия теперь уже больше не была способна к наступлению. Ближайшие недели показали, что она оказалась неспособной даже к длительной обороне.

Однако и в это тяжелое для них время германские империалисты не допускали мысли о мире без насильственного присоединения чужих земель и получения контрибуций. На западном фронте победы добиться не удалось, и германское верховное командование выработало в июне 1918 г. план завоевания всей Европейской части Советской республики.

Германский империализм постоянно и неотступно преследовал две цели: „уничтожение" большевизма и завоевание

мирового господства. В июне 1918 г., и после всех неудач, он все еще считал, что справится с этими задачами. Располагал ли он на самом деле необходимыми силами для выполнения хотя бы одной из этих грандиозных целей? Была ли Германия в состоянии в военном и в хозяйственном отношении хотя бы только сопротивляться готовившемуся генеральному натиску союзников? Даже беглое ознакомление с положением армии на фронте и в тылу дает отрицательный ответ на этот вопрос.

Начало падения дисциплины в германской армии относится еще к 1917 г. Солдаты с трудом переносили окопную войну. На западном фронте, по свидетельству Людендорфа, появилось „много трусов". На самом же деле солдатам надоело рисковать жизнью за интересы капиталистов. Почти как правило перед боем исчезало много солдат и в боях участвовали дивизии ничтожно малого состава. Через несколько дней после боя эти же дивизии „обрастали" возвращавшимися в части „трусами", как их называл Людендорф. Германское командование знало о таком положении, но вынуждено было с ним мириться.

Несмотря на неудачи на фронте и в тылу, германское военное командование не намеревалось заключить мир без захвата чужих территорий. В июне один из английских министров заявил, что п д победой союзников не следует понимать полный разгром Германии и заключение мира в Берлине. В ответ на это германский министр иностранных дел фон-Кюльман 24 июня заявил в рейхстаге, что „одними военными средствами, без дипломатических переговоров едва ли можно добиться безусловного конца войны". Гинденбург и Людендорф были взбешены этим заявлением и добились отставки фон-Кюльмана, хотя против отставки были канцлер Гертлинг и кайзер.

На место Кюльмана был назначен адмирал фон-Гинце. В середине июля, накануне последнего наступления, фон-Гинце спросил Людендорфа: „Уверен ли он, что в этом наступлении он решительно и окончательно победит врага?" Генерал уверенно сказал: „На это я отвечаю определенным „да".

Такая уверенность в победе была ни на чем не основана. Все говорило за то, что Германия и ее союзники находились у пропасти, по краю которой верховное командование, правительство и кайзер ходили с завязанными глазами. Неудачи марта — июля 1918 г. ускорили процесс разложения на фронте. Однако германское командование не видело и не понимало той опасности, которая неумолимо надвигалась на германский империализм. Армии союзников Германии находились в еще худшем состоянии.

После неудачного наступления против Италии в июне 1918 г. силы австро-венгерской армии иссякли. Она еще удерживала итальянский фронт, но лишь потому, что перед ней стояла никуда не годная итальянская армия, которая была рада, если ее не трогали. Австро-венгерская армия представляла после поражения на Пиаве оборванную и голодную массу, неспособную ни наступать, ни обороняться. В австро-венгерской армии началось массовое дезертирство. Дезертиры образовали вооруженные „зеленые отряды", с которыми регулярные войсковые соединения завтрашних дезертиров вели войну, особенно в южных и юго-восточных лесных районах.

8 августа 1918 г. союзные армии на западном фронте перешли в общее наступление. Силы обеих сторон были почти равные. Немцы имели 205 дивизий, англичане, французы и американцы — 200 дивизий. Обе армии насчитывали по два миллиона бойцов; их техническая оснащенность была почти одинаковой.

Сражение началось на том самом участке фронта (перед Амьеном), где немцы начали в марте „сражение за Францию". Уже в первый день сражения союзные армии под общим командованием Фоша уничтожили 16 германских дивизий. Начатое 8 августа наступление союзников уже не прерывалось до 11 ноября, когда германская армия капитулировала. Все эти три месяца германская армия несла громадные потери людьми и вооружением и нигде не смогла приостановить продвижения союзников хотя бы на один день.

Та война, к которой германский империализм готовился годами и которую он спровоцировал в 1914 г., теперь кончилась. Вместо нее началась та страшная для него война, которой, по словам Ллойд-Джорджа, германский империализм не хотел, но которую зато хотели теперь его враги.

8 августа Людендорф назвал „черным днем в истории германской армии". К 25 августа немцы потеряли 100 тыс. пленными и 4 тыс. пушек. К 8 сентября количество пленных увеличилось до 150 тыс., потерянных пушек до 6 тыс., а пулеметов до 13 тыс. Исход мировой войны для германского империализма был предрешен. Его армии были еще в состоянии некоторое время сопротивляться, разрушать и опустошать те местности, по которым их гнали, но задержать армии Фоша хотя бы на один день они уже не могли.

После первых крупных поражений германские армии начинали выходить из повиновения командирам. Дальнейшее затягивание войны угрожало социальной революцией. Тогда Людендорф и Гинденбург пошли на хитрость. Они решили добиться дипломатическим путем военной передышки с целью дать отдых утомленным армиям, обучить свежие пополнения, а затем снова начать борьбу при лучших условиях.

РАЗГРОМ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ И ПЛАНЫ ЗАХВАТА ЧУЖИХ ЗЕМЕЛЬ

После первых успехов Фоша внутриполитическое и международное положение Германии резко ухудшилось. Людендорф и Гинденбург все еще жили несбыточными надеждами. Они еще в середине августа собирались „навязать врагам германский мир", т. е. все еще собирались ограбить и поработить весь мир.

На заседании коронного совета 14 августа под председательством кайзера Вильгельма было установлено резкое ухудшение международного положения Германии, падение ее влияния в нейтральных государствах и у собственных союзников, истощение сырьевых, материальных и людских запасов. Австро-Венгрия, докладывал статс-секретарь фон-Гинце, — накануне развала; Болгария истощила свои силы и больше ни на что не способна; такое же положение было и в Турции. Людендорф впервые признал, что „нельзя больше надеяться на то, что мы сломим волю наших врагов военными действиями". Однако он считал все еще возможным постепенно ослабить противника длительной и упорной обороной. Все были согласны с оценкой Людендорфа и Гинце. Гинденбург был другого мнения; он доказывал, что германской армии „удастся закрепиться на французской территории и таким способом, наконец, навязать врагам нашу волю". В связи с заявлением Гинденбурга было решено не отказываться от захваченных земель и после победы на фронте в подходящий момент начать переговоры с целью „притти к соглашению с врагами".

В тот же день 14 августа австро-венгерское правительство потребовало у Германии согласия на непосредственное обращение ко всем воюющим державам с предложением приступить к обсуждению условий мира. Целый месяц тянулись бесплодные переговоры между Берлином и Веной по этому вопросу и 14 сентября Австро-Венгрия выступила с сепаратным предложением начать переговоры о мире.

Разложение германской армии после первых поражений шло такими быстрыми и все ускоряющимися темпами, что трудно понять, на что надеялись капиталисты и помещики Германии и их идолы — Гинденбург и Людендорф.

В письмах с фронта солдаты писали, что военные успехи Германии не приближают, а отдаляют момент заключения мира. Они писали, что лишь поражение Германии принесет желанный мир.

Только к концу войны солдатские массы начали правильно разбираться в причинах войны, стали отдавать себе отчет в том, за чьи интересы они отдают свою жизнь.

Солдаты писали, что они воюют четыре года не за честь и целость Германии, как это утверждает начальство, так как Германии никто не угрожает. Их заставляют проливать кровь на фронте, а их семьи голодать в тылу и умирать от изнурительной работы ради умножения богатств германских капиталистов и расширения власти над рабочим людом германских юнкеров.

Солдаты очень здраво оценивали положение. Они не доверяли утверждениям начальства, что отступление происходит с целью улучшения и выпрямления позиций.

Но даже и в это время германские империалисты все еще мечтали о порабощении советских земель и народов и не хотели отказаться хотя бы от части захваченных территорий на Востоке.

В первой половине сентября выступил с речью в Штутгарте вице-канцлер фон-Пайер, в которой он высказался за „мир без завоеваний" для врагов Германии. Он защищал от имени германского правительства завоевательную программу и соглашался „восстановить" Бельгию только при условии, что Бельгия заключит с Германией соглашение о разделе страны на три части — Валонию и Фландрию. Последняя должна была оставаться под господством Германии. Третья часть — около половины Бельгии — должна была перейти целиком к Германии. Это была речь победителя, а не побежденного. Через два дня австро-венгерское правительство обратилось непосредственно к правительствам всех воюющих государств с предложением собраться в нейтральной стране с целью „обсуждения принципов заключения мира".

15 сентября армии союзников, под командованием генерала Франше-д, Эспре начали наступление в Македонии, прорвали болгарский фронт у Доброполья и через 10 дней окончили войну на Балканском полуострове разгромом болгарской армии и пленением 11-й германской армии. Болгария капитулировала. Положение резко изменилось в пользу Антанты, и она не имела никаких оснований торопиться с заключением мира. Отвечая Германии и Австро-Венгрии, английский министр иностранных дел Бальфур назвал 16 сентября оба предложения „нечестными": „Это не попытка договориться о мире, это попытка ослабить наши силы". Через день правительство США отвергло предложение Австро-Венгрии и заявило, что США не желают вступать с ней в переговоры о мире.

29 сентября Болгария подписала полную и безоговорочную капитуляцию, сдавшись на милость победителя. 11-я германская армия была взята в плен. Тем временем на западном фронте союзные армии безостановочно продвигались вперед,

забирая пленных, военные материалы и не давая ни одного дня передышки утомленным и дезорганизованным германским войскам.

Процесс разложения германской армии после поражения ускорялся не по дням, а по часам.

Альпийский баварский корпус прибыл на позиции западнее Несля. Едва появились альпийцы, как солдаты находившихся там ранее дивизий хлынули в большом беспорядке назад. Альпийцам лейб-пехотного полка не удалось заставить людей остановиться и вернуться в бой. Солдаты кричали, обращаясь к альпийцам: „удлинители войны".

На западном фронте находились две австрийские дивизии и австрийская тяжелая артиллерия. Германские солдаты встречали их ругательствами и негодующими вопросами: „Зачем вы здесь воюете? Зачем вы удлиняете войну?".

В тылу, в непосредственной близости фронта бродили сотни и тысячи солдат, которые захватывали поезда и военные склады, спеша домой. Для восстановления порядка на узловых станциях и упорядочения эвакуации боевых материалов командованию приходилось наряжать офицерские карательные экспедиции, так как в нижних чинах оно уже не было уверено. Таково было положение в прифронтовой полосе в сентябре и октябре 1918 г.

На самом фронте солдаты отступали под непосредственным давлением армий Фоша, гибли массами, но еще не разбегались. Они были исполнены революционного духа и готовы были бы повернуть оружие против своих классовых врагов. О политических настроениях фронтовых солдат рассказал 5 ноября 1918 г. прикомандированный к генеральному штабу майор Лоозе следующее о посещении им нескольких армий:

„Я вынес следующее впечатление: командующие генералы заявили, что они едва ли могут отвечать за настроение солдат. Настроение здесь очень скверное. Войска больше не боеспособны. В Метце один полк уже бунтовал. Нельзя больше показывать в кино портретов императора, Гинденбурга и Людендорфа: свищут. При показе портрета Гинденбурга в одном корпусе раздался голос: „Тушите огни, беритесь за ножи, принесите две кухонных посудины для крови".

„Солдаты желают мира во что бы то ни стало, — продолжал тот же офицер. Настроение в общем и целом... таково, что солдаты не будут больше драться, если мы не заключим немедленно мира".

В гораздо худшем положении находилась австровенгерская армия. Болезни уменьшали ежедневно армию на 600 — 800 человек. Артиллерии нехватало людей и лошадей для обслуживания орудий.

Под ударами армий союзников западный фронт затрещал по всем швам. У Людендорфа оставалась одна надежда — на чуму. Кто-то распространил слух о появлении чумы во французской армии. Людендорф сказал в середине сентября своим приближенным: „Я хватаюсь за чуму, как утопающий за соломинку".

В Германии зрела гражданская война.

28 сентября Гинденбург и Людендорф пришли к заключению, что надо кончать проигранную внешнюю войну, чтобы попытаться выиграть „войну внутреннюю". В записке от 31 октября Людендорф писал о последних днях сентября:

„Я оказался перед фактом, что родина не дала армии достаточно людей и бодрого настроения. Меня охватывало горькое чувство покинутости, чувство одиночества... Родина недостаточно сделала для своей армии..."

Это была, конечно, наглая ложь. „Родину" германский империализм заставлял в течение четырех лет все отдавать фронту. И она отдала все. Больше взять было нечего.

В другом месте Людендорф писал: „Наш боевой механизм уже больше не был полноценным. 8 августа показало падение нашей боеспособности, и такое состояние укомплектования лишило меня надежды найти стратегические мероприятия, которые снова укрепили бы положение в нашу пользу... Войну надо было кончать".

С конца сентября победное настроение у господствующих кругов Германии сменяется унынием. Растет и крепнет решимость получить передышку на западном фронте и быстрым заключением мира сохранить костяк армии для „борьбы с большевизмом".

Эта нехитрая „идея" овладела теперь и верховным командованием, кайзером, всеми буржуазными партиями — вплоть до руководства социал-демократической партии. Для них ясно было, что Германию заставят отдать все захваченное на Западе. Поэтому они решили закрепиться на Востоке. Этой цели были подчинены все действия и мероприятия правительства и верховного командования.

УДАР В СЕРДЦЕ ГЕРМАНСКИХ ИМПЕРИАЛИСТОВ

После 8 августа союзные армии Фоша беспрерывно теснили германские войска и не давали им ни отдохнуть, ни собраться с силами для отпора. Разбитая германская армия разлагалась, таяла, солдаты самовольно уходили с фронта. Продолжение войны без армии становилось невозможным. Сама война превращалась для Германии в бесцельное крово-

пролитие, так как не было больше силы, которая могла бы разбить или остановить победоносное движение союзных армий.

Капитуляция Болгарии влекла за собой потерю сообщения с Турцией и угрозу появления в ближайшее время англо-французских армий на Дунае. Людендорф и Гинденбург, наконец, поняли, что война теперь проиграна и что ее необходимо скорее закончить. Каждый лишний день войны теперь нес новые бедствия для Германии, так как отступающие армии ничего не могли с собой увозить. Они все принуждены были оставить врагу.

Однако и в это тяжелое для германских империалистов-захватчиков время их вожди Людендорф и Гинденбург все еще думали о том, как бы сохранить часть захваченного и награбленного. Боеспособной армии у них уже не было, но они недеялись на то, что им удастся обмануть своих противников.

По требованию Гинденбурга и Людендорфа 29 сентября коронный совет решил обратиться к президенту Америки Вильсону с просьбой о немедленном заключении перемирия. Оба генерала думали, что правительства Антанты согласятся на перемирие, а во время перемирия германская армия отдохнет, получит подкрепления, и тогда они вновь возобновят войну, когда им это будет выгодно.

На том же коронном совете было решено пойти на другую хитрость. Было назначено новое правительство, во главе которого был поставлен родственник кайзера Макс Баденский. В состав нового правительства вошли более умеренные империалисты и социал-демократы. Это был хитрый маневр. Полагали, что народные массы, узнав о создании нового правительства, успокоятся и не будут предъявлять своих требований. Назначение правительства Макса Баденского было прозвано „революцией сверху".

Назначение нового правительства нужно было еще и потому, что со старым правительством, запятнавшим себя столькими преступлениями, союзники не стали бы и разговаривать о перемирии.

Когда на коронном совете обсуждался вопрос о том, что армия разбита и что необходимо просить перемирия, то Гинденбург, — как будто он был не полководец разбитой армии, а победитель, — потребовал, чтобы в условия перемирия был вставлен пункт о присоединении к Германии двух французских областей — Лонгви и Бриэ, очень богатых залежами железной руды. Он все еще думал, что диктовать условия перемирия будет он. Тупость вождя германских империалистических разбойников даже взбесила другого предводителя этой банды —

Людендорфа. Он сказал, что требование Лонгви и Бриэ сейчас не ко времени и не к месту.

Находясь уже на краю гибели, германские империалисты-захватчики все еще думали о похищении чужих земель. Они все еще надеялись присоединить французскую железную руду к рурскому и саарскому углю и добиться одной из тех целей, ради которой они начали войну.

С каждым днем союзные армии наносили все более чувствительные удары германской армии. Генералы стали опасаться, что вся германская будет захвачена в плен. Они торопили новое правительство, ежечасно требуя, чтобы оно скорее отправило президенту Вильсону мольбу о перемирии. Свою торопливость они объясняли следующими вескими причинами: „Сегодня войска еще держатся, но нельзя поручиться за то, что будет завтра".

Страна не знала истинного положения на фронте. Она не знала, что армия разбита и что нельзя предотвратить вторжение в Германию союзных армий. Она ничего не знала также и о том, что уже принято решение просить перемирия. Народ ничего не знал и не подозревал, что „революция сверху", т. е. смена правительства, была очередной военной хитростью припертых к стене неумолимыми событиями озверелых хищников, все еще мечтавших о подчинении себе половины мира. Ближайшие дни, однако, показали всему миру и германскому народу, что при первых крупных неудачах вчерашние „победители" и „властители" мира сразу превратились в банду зарвавшихся мелких жуликов. „Революция сверху" не задержала народной революции. Она не остановила масс и не помешала им сделать революцию снизу. Обращение к президенту Вильсону было бессовестной хитростью.

Макс Баденский принял предложение сформировать новое правительство из народных представителей с определенным намерением. Он хотел спасти власть императора Германии и власть всех королей и герцогов Германской империи. Он хотел спасти власть прусских помещиков (юнкеров). Он был против отправки Вильсону просьбы о перемирии, так как он прекрасно знал, что такое обращение раскроет карты противникам и они потребуют безоговорочной капитуляции, что в действительности и случилось. Принц Баденский в течение нескольких дней прилагал все усилия к тому, чтобы сломить натиск генералов. Он хотел заявить в рейхстаге германские условия мира и предложить их всем воюющим странам на обсуждение, не обращаясь с просьбой о перемирии. Когда он 2 октября вечером заявил на коронном совете: „Я — противник предложения о перемирии", — то кайзер его прервал словами: „Верховное командование считает это необходимым, а ты сюда

не за тем пришел, чтобы делать затруднения верховному командованию". Макс Баденский должен был подчиниться генералам. Желая снять с себя ответственность, он письменно запросил Гиндербурга, отдает ли тот себе отчет в том, что немедленное обращение к Вильсону означает, во-первых, потерю германских колоний, во-вторых, потерю Эльзас-Лотарингии и прусской части Польши. Гинденбург в тот же день ответил, что он настаивает на немедленном отправлении мирного предложения Вильсону.

4 октября 1918 г. была отправлена нота американскому президенту, которая заканчивалась следующим образом: „Во избежание дальнейшего пролития крови германское правительство просит о немедленном заключении перемирия на суше, на воде и в воздухе".

В тот же день и австро-венгерское правительство обратилось с такой же просьбой к Вильсону, объясняя желание перемирия все теми же человеколюбивыми соображениями.

В своем ответе от 8 октября Вильсон известил германское правительство, что он не может передать просьбу о перемирии союзникам до тех пор, пока германские армии еще находятся на их земле. Он заявил далее, что переговоры о перемирии возможны будут лишь тогда, когда Германия согласится очистить все оккупированные ею земли, возвратит Франции Эльзас и Лотарингию и обяжется выполнить ряд других условий, которые еще будут ей предъявлены.

Гинденбург и Людендорф предложили ответить Вильсону, что Германия отдаст все захваченное ею и награбленное, кроме русских земель. Предлагая себя в палачи Советской республики, оба генерала сообщили Вильсону, что оставления немцев на Украине требуют якобы местные жители. Они думали и на сей раз обмануть союзников, как будто те не знали, как украинские рабочие и крестьяне били германских оккупантов и гнали их со своей земли.

Германская армия, между тем, терпела новые поражения. Это заставило правительство Макса Баденского 12 октября безоговорочно принять все поставленные США требования. Ответ на сей раз не заставил себя долго ждать. Правительство США известило Макса Баденского 14 октября, что перемирие может быть заключено при условии, что армии союзников сохранят свое военное превосходство на фронте над германскими армиями.

Вильсон далее обращал внимание германского правительства на его неискренность. Он указывал на то, что правительство просит о перемирии и в то же время германские подводные лодки пускают ко дну пассажирские пароходы, не давая возможности спастись беззащитным людям. Герман-

EB_1941_OFO_306

ские армии уничтожают все на своем пути отступления во Франции и Бельгии, грабят население, сжигают города и села, издеваются над мирным населением. „Нельзя ожидать, чтобы объединившиеся против Германии народы согласились заключить с ней перемирие до тех пор, пока будут продолжаться бесчеловечные деяния, грабежи и опустошения, на которые союзники взирают с ужасом и возмущением". Вильсон требовал немедленного прекращения грабежей на суше и бандитизма на море.

Это был удар острым кинжалом в сердце германских империалистов. Они просили заключить немедленное перемирие ради того, чтобы дать своим армиям отдых, а затем прервать перемирие и начать снова войну. Гинденбургу и Людендорфу нужно было добиться перемирия как можно скорее. Французам, англичанам и американцам важно было поставить на колени своего противника до перемирия. Они прекрасно знали, что возобновить войну после перемирия будет труднее, чем продолжать ее до перемирия. Поэтому Антанта, почувствовав свое военное превосходство, решила добиться полной — военной и политической — капитуляции Германии. Ясно поставленный Вильсоном вопрос вызвал сильное жужжание в осином гнезде германского империализма. Одно заседание министров с представителями верховного командования сменялось другим.

В Германии не все еще хотели считаться с суровыми фактами. Германская буржузия еще носилась с мыслью призвать „поголовное ополчение" и оказать сопротивление армиям Антанты.

Совет министров, генералы Людендорф и Гофман — все были единодушны в том, что находящиеся на Востоке войска крайне нужны на Западе. Все они в то же время отстаивали необходимость удерживать захваченные советские территории и доказывали это всевозможными соображениями — „человеколюбивыми", хозяйственными, политическими и военными.

Украину, говорил Людендорф, необходимо сохранить, потому что „она нам безусловно нужна в хозяйственном и военном отношениях. Мы не смогли бы вести войну на Западе без лошадей с Украины". Нужен был и украинский хлеб и все то, что имеется на Украине в изобилии.

В результате всестороннего обсуждения военного положения совет министров пришел к заключению, что сопротивление армиям Антанты безнадежно и не даст никаких результатов, что во избежание худших последствий, т. е. пленения всей армии и оккупации всей Германии, необходимо принять требования союзников.

Германское правительство отправило 20 октября третью ноту Вильсону с извещением, что оно принимает безогово-

рочно все его требования, что подводная война уже прекращена и что все подводные лодки отозваны в свои гавани. На требование Вильсона было дано заверение, что отступающая германская армия не будет грабить и опустошать оставляемых ею местностей.

Лишь после этого Вильсон 23 октября известил германское правительство, что в виду принятия всех предъявленных правительством США требований он согласен передать просьбу Германии о перемирии своим союзникам. Одновременно Вильсон предупредил, что Германия может получить лишь такое перемирие, которое сделает невозможным возобновление военных действий с ее стороны, т. е. что германская армия должна будет отдать свое вооружение. Далее, в американской ноте подчеркивалось, что правительства США и его союзников могут вести переговоры только с представителями германского народа. До тех пор, пока действительная власть остается в руках старых властителей, Германия не может вести переговоров об условиях мира, а должна капитулировать, т. е. сдаться на милость победителя.

Как только требования Вильсона сделались известными широкой публике, стали раздаваться голоса за отречение от престола Вильгельма II и всей династии Гогенцоллернов. Народные массы требовали немедленного объявления республики. Между тем германское верховное командование решило настаивать на отклонении ноты Вильсона. Оно старалось убедить правительство, что необходимо прервать переговоры, так как „Наше войско находится непобежденным на вражеской земле и оно не должно капитулировать!“ Требуя разрыва переговоров, Людендорф и Гинденбург возлагали надежды не на боеспособность германской армии, а на то, что произойдет революция во Франции.

Когда союзные армии нанесли новые поражения германским войскам, 26 октября был уволен в отставку Людендорф, а на его место назначен палач Украины, генерал Гренер. На второй день германское правительство отправило новую ноту Вильсону, в которой оно умоляло принять германских парламентеров для принятия условий перемирия.

Таким образом, германский империализм капитулировал еще за две недели до подписания перемирия.

ВОССТАНИЕ ГЕРМАНСКОГО ФЛОТА. ПОПЫТКИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ СПАСТИ МОНАРХИЮ, КОНЕЦ ПЕРВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Германия сдалась на милость победителя еще до подписания перемирия. Она приняла безоговорочно все требования

союзников и прекратила подводную войну. Теперь германскому правительству и верховному командованию оставалось лишь терпеливо ждать, когда маршал Фош разрешит прислать в указанное им место делегацию для оформления капитуляции — подписания перемирия. А волны народного гнева уже начали бушевать на фронте и по всей стране. Страна требовала свержения монархии и провозглашения республики. Уже 29 октября кайзер Вильгельм сбежал в ставку под защиту Гинденбурга и Гренера. В Берлине ему было опасно оставаться.

Верховное командование решилось на новую авантюру. Оно разработало план внезапного нападения на английский флот с целью его уничтожения. Это было бессмысленная и вероломная затея, заранее обреченная на неудачу. Около месяца умоляли союзников дать согласие на заключение перемирия, а когда условия перемирия оказались суровыми, то Гинденбург и его окружение вообразили, что они из побежденных превратятся в одну ночь в победителей. Они хотели слабым германским флотом разбить могущественный английский флот, забывая, что они не смогли этого сделать и тогда, когда в их руках была еще не разбитая армия и нетронутый флот.

Германские матросы восстали против верховного командования и расстроили его преступную затею. Центром матросского восстания был Киль. Весть о восстании флота застала всюду подготовленную почву. Войска на местах всюду перешли на сторону восставших. 8 ноября Вильгельм II приказал Гренеру выработать план „похода“ на Германию. Для подавления революции он сам хотел стать во главе снятых с фронта дивизий. Однако в назначенный для выступления день выяснилось, что на фронте нельзя найти такой боевой части, которая пошла бы против своей родины.

После совещания с командирами полковник Гей доложил кайзеру Вильгельму: „Войска еще преданы вашему императорскому величеству, но они устали и безразличны, они хотят лишь спокойствия и мира. Они не выступят сейчас в поход против родины, не выступят также и во главе с вашим величеством. Они ничего больше не желают, кроме перемирия. Каждый час имеет большой значение“. На вопросы кайзера полковник Гей пояснил: „Армия не хочет больше драться ни дома, ни на фронте“.

10 ноября на рассвете Вильгельм II бежал от восставшей армии в Голландию. Правительство Макса Баденского было заменено правительством народных уполномоченных Эберта из социал-демократов и независимых социалистов. У Эберта — Шейдемана, как и у Макса Баденского, было одна и та

же политическая цель: скорее закончить империалистическую войну, чтобы победить в гражданской войне.

Германские националисты и фашисты, а за ними и фашистские историки и по сей день, подделывая исторические факты и извращая действительные события, утверждают, что германская армия не была побеждена в 1918 г. Они нагло утверждают, что германская армия уже „победила", но не могла удержать плодов своих побед, потому что революция в тылу вонзила ей нож в спину. Мы документально доказали обратное.

5 ноября была получена нота Вильсона о том, что правительства Антанты великодушно разрешили прислать через фронт полномочную делегацию для подписания капитуляции, все условия которой были уже подготовлены и согласованы между союзными правительствами. 7 ноября германская делегация во главе с Эрцбергером отправилась из Спа в ставку генерала Фоша.

8 ноября германские уполномоченные прибыли на станцию Ротонд в Компьенском лесу. Их встретил генерал Фош. Между ними и Фошем произошла следующая вступительная беседа:

— Чего вы хотите, господа? — спросил Фош.

— Мы хотим получить ваши предложения о перемирии.

— О, у нас нет никаких предложений о перемирии, — сказал Фош. — Нам очень нравится продолжать войну...

— Но нам нужны ваши условия — убеждали они. — Мы не можем продолжать борьбу.

— Ах, так вы, значит, пришли просить о перемирии. Это — другое дело.

Фош передал уполномоченным условия перемирия и дал им 72 часа на размышление. Основные требования сводились к следующему: 1) эвакуация Эльзас-Лотарингии, Бельгии, Люксембурга, Северной Франции и всех оккупированных территорий на Востоке, эвакуация левого берега Рейна; 2) аннулирование Брестского и Бухарестского мирных договоров; 3) выдача исправных 5 тыс. пушек, 25 тыс. пулеметов, 3 тыс. минометов, 1700 самолетов; 4) выдача всего линейного, крейсерного и подводного флота; 5) выдача 5000 исправных паровозов и 150 000 вагонов; 6) возмещение всех убытков, причиненных войной и т. д.

Германская делегация приняла без особого сопротивления наиболее суровые требования перемирия, но она пришла в ужас, когда Фош стал настаивать на выдаче пушек, пулеметов и прочих военных материалов. Эрцбергер не выдержал и воскликнул: „Тогда мы пропали. Как мы будем защищаться против большевизма?" Видя неуступчивость Фоша, Эрцбергер

продолжал: „Но ведь вы не понимаете, что отнимая у нас все средства защиты против большевизма, вы нас губите и губите самих себя".

Германские уполномоченные просили Фоша не забирать столько пулеметов, так как „не из чего будет стрелять в своих соотечественников". На это Фош ответил, что для этой цели хватит и винтовок.

Германская делегация запросила у правительства и верховного командования инструкций. 10 ноября Гинденбург предложил делегации добиться некоторого смягчения условий перемирия, но если это не удастся, то подписать их и ни в коем случае не допускать разрыва переговоров, так как армия устала и драться не может.

Германский империализм сдался 11 ноября в Компьенском лесу на милость победителя.

Германская якобы непобедимая армия была разоружена, она отдала тяжелую артиллерию, пулеметы, авиацию, все боевое снаряжение своим врагам, и ей было разрешено отправиться „налегке" домой.

Германский военно-морской флот отдал все линейные корабли, крейсеры, миноносцы и подводные лодки.

Германскую армию заставили очистить все еще не оставленные ею области: Бельгию и Люксембург и германские территории — Эльзас-Лотарингию и левый берег Рейна. Германские империалисты должны были согласиться на уплату всех убытков, причиненных германскими армиями и флотом во время войны.

Только этой ценой они избавили Германию от перенесения на ее территорию военных действий. Так закончилась для германского империализма первая империалистическая война, начатая им с целью установления господства Германии над всем миром.

Кровавый германский фашизм не извлек уроков из первой империалистической войны. Он выдумал сказку о „непобедимости" германской армии и начал вторую империалистическую войну с целью порабощения всех свободных народов мира.

Непобедимых армий не бывает. И считавшиеся наилучшими в мире армии Наполеона и кайзера Вильгельма были разбиты, первая русскими на российских просторах в 1812 году, а вторая — попеременно русскими, французами и англичанами в 1914—1918 годах. А это значит, — говорит товарищ Сталин, — „что гитлеровская фашистская армия так же может быть и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма".

Изучение событий последних месяцев первой империалистической войны и, особенно, состояния германской и австро-венгерской армий накануне их разгрома бросает яркий свет и на современные события и показывает, какая участь ждет фашистских агрессоров.

Германские солдаты часто задавали себе вопросы: почему они воюют против всего мира, всюду сеют смерть и разорение, но чем дольше они воюют, тем дальше они находятся от желанного мира? И лишь после поражений 1918 года они поняли, что их нагло обманывали и заставляли воевать за интересы капиталистов и юнкеров, за умножение их богатств и власти, за обеспечение им возможности грабить весь мир. Поняв это, они сделали свои выводы и отказались проливать свою кровь за чуждые им интересы.

Многие солдаты фашистской армии задают себе те же самые вопросы не в конце войны, как это было в 1918 г., а в самом начале войны Гитлера против нашей родины. Некоторые из этих солдат уже сами ответили на поставленные вопросы и перешли на нашу сторону. 4 германских летчика Ганс Герман, Ганс Кратц, Адольф Аппель и Вильгельм Шмидт, добровольно снизившиеся 25 июня на нашей территории, пишут в обращении к немецким летчикам и солдатам:

„Мы часто задавали себе вопрос: почему воюет Гитлер против целого света? Почему он приносит всем народам Европы смерть и разорение? Почему должны лучшие люди Германии погибать от пуль, которые им посылаются навстречу народами, защищающими свое отечество?

На этот вопрос нам никто ответа не дал. Мы каждый раз видели, что спровоцированная Гитлером война приносит всем народам Европы, в том числе и германскому народу, только несчастье и смерть".

Четыре летчика сделали выводы для себя и в заключении своего обращения писали: „Братья летчики и солдаты, следуйте нашему примеру. Бросьте убийцу Гитлера и переходите сюда в Россию".

„Уроки первой империалистической войны и уроки первых недель войны Гитлера против СССР учат, что и эта война окончится так же печально для Гитлера и фашистской Германии, как окончилась для кайзера Вильгельма и юнкерско-буржуазной Германии первая империалистическая война.

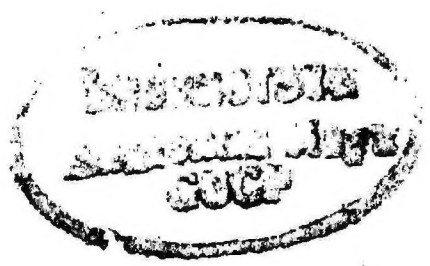
Гарантией тому является наша непобедимая Красная Армия, морально-политическое единство советского народа, его твердая решимость довести навязанную нам войну до разгрома фашизма и освобождения человечества от варварства.

Гарантией нашей победы являются: союз со свободолюбивым народом Великобритании, наши неиссякаемые людские и

EB_1941_OFO_306

материальные ресурсы, наша техническая оснащенность и мудрое руководство вождя свободных народов — Иосифа Виссарионовича Сталина.

Под знаменами партии Ленина — Сталина мы побеждали, под этими знаменами, не знающими поражений, мы победим кровавый фашизм и избавим германский, итальянский и все другие народы Европы от гибели.



Редактор издательства А. М. БОГЕВЕР.

Подписано в печать 18/X 1941 г. объем 1½ п. л.
1,85 авт. л. Заказ 0583 ПФ 5581

Татполиграф при управлении издательств и полиграфии ТАССР.
Казань, Мирославского 9.